

ВЕДРО

О таких как Василиса раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но ни к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только ее господь никак не приберет. На всю деревню — три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... вот и доживают в деревне, которой нет. Третий — дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеется, ходит навещать Маньку по четным, Василису по нечетным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз — просто так, поболтать. Заодно и столуется у них. Самому-то лень готовить. Мужики — они такие: будут сидеть на сухомятке, но щей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке: число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придется самой лезть в погреб — картошка закончилась. Она надела телогрейку,

сапоги — обувь на все случаи жизни, — повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

«Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку?» — Василиса погладила собаку и открыла дверь. Света в сарае не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьей, чего только не бегало по двору и не мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков соленых, капусты квашеной. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно не укусить. Не по зубам и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, посветила себе фонариком и, не глядя под ноги, пошла в темноту, к люку в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, соленья. Чуть зазеваешься — и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придет или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую веревку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой веревку, на конце которой болталось ведро. Затем набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула веревку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела еще баночку с грибами достать, да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула веревку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало: не выдержав нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз в погреб — хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

— Господи! За что ты меня наказываешь, — причитала она. — Все нормальные люди давно уже с тобой разговаривают, отчет дают, а я все по погребам скачу.

Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слез лицо: пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так — боль и обида слезами исходят. Решила, что на сегодня приключений хватит.

— Вот придет завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, — сказала Василиса собаке. — И тебе будку поправит. Крыша давно течет. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У нее от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» — эти вечно отстают; сама с собой, если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас пришла домой, сварила картошку, но в тишине невкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться: на одиночество, на старость, на ревматизм — последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

Думала, этому ведру сноса не будет.

— Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки, — размышляла она. — Жила, росла, старела, вела, а оно все при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась как осиновый лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бу-

мажке писали, чье молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чувала, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей еще воды, наше молоко самое жирное».

А потом еще помню, как с будущим мужем Ванечкой, еще когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днем некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь. Эту еще не испили»... А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность, — Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бегал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело — за водой ходить! О чем с девками у колодца разговаривать?

— В деревне ведро — наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится — так картошку копали; опять же, ведрами ссыпали в мешок и считали, сколько ведер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом году. Мешки-то у всех разные, а ведра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда не гожее становилось, так и тогда не выбрасывали. Спросишь, почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на колышек, на ограду повесила. Пуцай висит, авось пригодится. Опять же — жаль: столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Мадыяры — нация такая. Мы о таких и не слышали. Это тебе не немцы. Те все больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один мадыяр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула: где теперь ведро взять — разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там ведра со всего села валяются. Мать свое-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

— Чего это ты, Мура? Гости нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в темных сенцах зашебуршало — и на пороге появился Тимофей:

— Привет всем! Знаю, знаю, не твой день — Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

— За щами завтра приходи. Сегодня картошка в мундире.

— А с чем картошка?

— С языком. Остальное на дне погребя. Я тут маленько управилась. Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро с банками тянула, а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

— Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз сгодится. Сейчас его приспособим, еще послужит.

— Что за дело?

— Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня глядь — а там твои именины. Вот принес яблоньку, росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожай, может, и не дождемся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своем.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька ее встретит. Если весной, то цветами, если летом — красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи — они везде щи...»

Он поднялся:

— Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребке порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправляю. А щи... по расписанию! — Он засмеялся и пошел со двора, а Васька осталась сидеть на крыльечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животинка любит ласку. У нее как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почесывала за ушком у кошки.

— Ну что, родненькие... Не зря говорят — есть жизнь после смерти, что у человека, что у железяки. Будем жить, ждать весны... и Тимофея.

ВОСЬМОЙ ГРЕХ

— Завтра помру, обмывать меня не надо, я уж и чистое одела, — сказала Евдокия Петровна.

Галка, накрывающая стол к чаю, аж присела на стул от неожиданности. Она пришла проведать тетку, принесла продукты, конфеты, собиралась провести приятный вечер. Навещая Евдокию Петровну каждую неделю, иногда и два раза забегая, Галина видела, как одиноко и трудно та жила, старалась поддержать. Самой Галине тоже несладко приходилось. Осталась после развода с двумя детьми, работать пришлось на двух работах, иначе на зарплату медсестры не прожить. Своих родителей она не помнила, маленькая была, когда они умерли, тетка осталась единственным родным человеком, и всегда хотелось порадовать ее. Обычно радости были нехитрыми — колбаса, сыр, хлеб и обязательно любимые конфеты «Ласточка». Конфетам баба Дуся особенно радовалась. Прятала в чемодан, что лежал под кроватью, в котором хранила все самое ценное, а потом, когда Галка уже с детьми приходила к ней в гости, угощала, радуясь, что может побаловать их.

И вот теперь чай пили молча, не возвращались к теме завтрашней теткиной смерти, но на душе у Галины было беспокойно.

— Так ты попомни, обмывать меня не надо, чистая я, — перед уходом напомнила тетка.

Весь следующий день, чем бы ни занималась, Галина вспоминала слова Евдокии Петровны: они тревожили. Ну как можно знать, помрешь ты или нет?! Тетка была еще сильная, сама справлялась по дому, весной посадила огород. Ни одного пустого клочка земли не оставила, урожай ждала хороший. Огород был подспорьем к ее пенсии. Она с конца лета и всю осень продавала овощи и фрукты у поездов на станции. Правда, последнее время ей все трудней стало носить ведра, но она ухитрялась за день несколько раз сбегать с авоськой яблोक или груш к поезду. Какая-никакая, а копейка собиралась за лето. И с чего это ей помирать? Давление последнее время скакало, но Галка перед уходом проверила — таблетки еще есть.

Галина делала уколы, ставила капельницы, а сама все больше и больше волновалась. К вечеру нервы совсем разошлись, так она себя накрутила. И решила пойти проведать тетку. На звонки и стук в дверь никто

не откликнулся, но у нее был ключ — тетка когда-то дала на всякий случай. Вот и пришел... этот «всякий случай». Открыв дверь, Галя позвала тетку — та не откликнулась.

Она лежала в спальне на кровати в своем любимом платье, мирно сложив руки на груди. Галка растерянно смотрела на нее — она первый раз видела смерть родного человека так близко. За спиной хлопнула дверь — это была соседка, которая вошла, увидев, что входная дверь неплотно закрыта. Видя растерянность Галины, поняла, что та не знает, с чего начать, деловито распорядилась:

— Первым делом надо обмыть покойницу, одеть в чистое! Ты посмотри, где-то должен лежать узелок, бабушки — они ведь заранее готовятся. У моего деда вон на чердаке гроб для него годами стоял.

Галя потянула из-под кровати чемодан с богатством тетки, щелкнули замки, и она увидела все, что было нажито Галиной Петровной за долгую жизнь. Галке стало страшно от одного вида этого старья. Такое богатство уже никому не нужно, осталось разве что сволочь его на помойку. И тут она вспомнила вчерашний настойчивый наказ тетки — не обмывать ее.

— Нет. Ничего не надо... — поспешно захлопнув чемодан, сказала Галина. — Евдокия Петровна вчера предупредила, что сегодня помрет и обмывать ее не надо, она все уже сделала и чистое надела.

— Сама предупредила? — соседка смотрела на Галину, как на сумасшедшую. — Отродясь такого не слышала, чтобы за день приготовиться к смерти. Ну да ладно, но обмыть все равно придется... Это не оттого, что она грязная — обычай такой, и не нам его нарушать.

Они стали раздевать Евдокию Петровну. И вдруг на теле у нее под одеждой оказался пояс с кармашками. Деньги. Это были деньги, которые она всю жизнь откладывала на черный день.

— А говорят, в гробу карманов нет... — растерянно сказала соседка.

Галка заплакала, жалея не себя, а тетку, которая прожила жизнь кое-как и померла, наверное, в муках, боясь расстаться с богатством, которое копила всю жизнь в ожидании «черного дня», не заметив, как все светлые дни пролетели мимо.

РАДОСТЬ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

По ночам надо спать! Так каждую ночь Дом уговаривал себя — и не спал. Не скрип рассохшихся половиц, не беготня мышей не давали ему спать. Мысли. Зимние ночи длинные, что только не вспомнишь...

Самыми яркими были картинки молодости. В своей деревне он был лучшим Домом. Человек, который его построил, был крепким хозяином. Вспоминалось, как закладывался его фундамент, как росли стены. К концу осени поставили крышу. Он всегда улыбался, вспоминая день переезда семьи. Больше всех радовались дети. Они бегали из комнаты в комнату, топотали ногами, хлопали дверью, но его это не раздражало, только веселило. Хозяева жили большой дружной семьей: дед с бабкой, сын со снохой и шестеро детей. Хозяйство было справное — корова, лошадь и десятина земли. Жизнь катилась размеренно — родители старели, дети подрастали.

Перемены на семью обрушились неожиданно. Слухи из соседнего городка, доходившие до деревни, тревожили хозяев. Дом не сразу понял, что случилось. Затихли дети, дед с бабкой замолчали в своем углу за печ-

кой, родители тревожно шептались по ночам. Все чаще стало звучать слово «революция». Сначала с обеденного стола исчезло мясо, потом масло и молоко. Голода не было, вся семья работала. Дети подросли, стали помогать родителям в поле.

Все рухнуло в одну из ночей. Дом проснулся от детского крика, громких голосов мужчин, плача женщин. Вспоминая эту ночь, которая стала поворотной в его судьбе и судьбе семьи, он так волновался, что начинал скрипеть разошедшимися половицами и потрескивать осыпающейся штукатуркой. Когда крики и беготня затихли, увидел, как со двора тронулась телега, груженная узлами, на которых сидели двое маленьких детей; старшие шли следом. Отъезжая, они оглядывались, молча прощаясь с ним. Посмотрев вокруг — разбросанные вещи, детские игрушки, нехитрый скарб семьи, нажитый тяжелым трудом за долгие годы, — он понял выражение «дом-сирота».

Утром пришли новые хозяева. Они нагло, бесцеремонно ходили из комнаты в комнату, топали грязными сапогами, рылись в чужих вещах. Над его входом прибили дощечку «Клуб», и началась шумная, веселая жизнь: музыка, танцы, кино, смех до утра.

Прошло еще какое-то время, и снова все изменилось. Людям стало не до веселья и танцев. Он вспомнил, как ранним утром от дома отъезжали телеги, на которых сидели мужики со строгими лицами, а бабы голосили по ним, как по покойникам. На долгие четыре года Дом стал никому не нужен. Дверь его заколотили, бабам было не до кино и танцев. Выжить бы...

Постепенно жизнь налаживалась. Вернулись мужики, подросли дети, и он опять понадобился, но теперь он стал тесен. Когда на соседней улице построили новый, просторный клуб, Дом опечалился. Вот она — пенсия! Никому не нужен.

Грустил он недолго. Как всегда, утром пришли люди, сняли табличку «Клуб» и прибили новую — «Медпункт». И началась у него совсем другая жизнь — полная боли, страхов, стонов. Он помнил, как долго привыкал к неприятным запахам. Но он был рад и такой жизни. Главное — не один, с людьми.

С некоторых пор кроме бессонницы мучил страх. Теперь он с тревогой ждал наступления утра. Все крутые перемены в жизни происходили утром. Он боялся: проснешься — а там люди с топорами пришли раскатывать по бревнышку. Жить в вечном страхе нельзя — проводка может не выдержать. Замкнуло ее под утро, когда страхи были особенно сильными. Пожар начался с крыши — и когда люди подоспели, было поздно. Он горел.

В такие минуты самые яркие воспоминания жизни пронесаются мгновенно. Он вспомнил семью, чья радость трех поколений жила вместе с ним все эти годы.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ, УХОДЯЩАЯ С ЖИЗНЬЮ

Дед умирал. Мой сильный, неутомимый дед. Соседка вызвала нас телеграммой: «Приезжайте, дед отходит».

Он долгие годы — после смерти нашей бабушки — жил один, считая, что старость обременительна, и не хотел никому мешать. Сколько не упрашивали — отказывался переезжать в город к детям или к нам, своим

внукам. Всегда говорил: «Где родился, там и сохотился». За дедом ухаживала соседка — хлеб принести, сигареты, а с нехитрым домашним хозяйством справлялся сам. Трудно было, но привык. С фронта он вернулся инвалидом: ногу ампутировали в самом конце войны. Уже День Победы миновал давно, а он все лежал в госпитале. Бабушке потом пришлось его выхаживать. Так и жил, прыгая по дому на одной ноге, редко цепляя протез, да и то — когда выходил во двор. Отсутствие ноги не мешало ему радоваться жизни.

Хотелось еще раз увидеть деда, если удастся — поговорить, поэтому мы решили ехать на машине: так будет быстрее. Выехали в ночь, рассчитывая, что к утру будем на месте. Всю дорогу я рассказывал жене, каким был дед.

— Почему был? — поправила меня Ольга. — Есть! Ты же всегда говорил — дед бессмертен, и что пока не увидишь его недвижимым — не поверишь.

— Дед бессмертен, даже если помрет. Представляешь, у него девять детей, двадцать четыре внука и тридцать шесть правнуков. Праправнуки не поддаются подсчету.

Я говорил, а сам не верил, что дед «отходит», как написала соседка.

— Столько детей! — удивилась жена.

— Да, и это те, которые выжили. Раньше ведь как было — многие умирали в младенчестве, не дожив до года. И эти дети только от моей бабушки.

— Что значит — от твоей, а что, есть еще и другая бабушка?

Я деда совсем не знал, он для меня был немощным, безногим старичком, который вечно сидел на кровати, а ведь за ним — целая жизнь: события, люди, да просто история. Уйдет он — уйдет его мир.

— Я тебе никогда не говорил... — Мне вдруг захотелось закурить, хотя за рулем, да еще ночью, я себе такого не позволял. — У нас в семье это была закрытая тема. Но теперь, когда нет бабушки и скоро не станет деда, я могу рассказать. До войны деревня была большая, мужиков много, но дед на их фоне выделялся. Мало того, что был самый грамотный — ветеринар, — так еще и самый видный. Гармонист — первый парень на деревне. Добавь сюда косую сажень в плечах, буйный чуб и чувство юмора. От девок отбоя не было.

— Представляю, как твоей бабушке трудно жилось, — жена примерила ситуацию на себя.

— И в деревне ведь ничего не скроешь. Да он особо и не скрывал — свою вторую семью.

— Что значит — вторую?! И бабушка терпела? Ну вы сволочи, мужики!

Возмущение жены было настолько сильным, что она отвернулась от меня и стала смотреть в окно. За стеклом было темно, мы проезжали какую-то деревушку, по улице не было ни одного фонаря. Темень, скука... Все, как и много лет назад. Ну вот что делать в такой деревне? Только любить. Я так и сказал Ольге.

— Вот дед и любил. Многих, наверное, любил, но дети были только в двух семьях. Бывало, не придет он с работы — а они уже знали, где его искать. Анька была старше и отчаяннее. Мать рассказывала. Пойдут они к дому Дуськи — ее Дуськой звали, — смотрят в окно, а там шторкой занавешено, но маленький уголок свободен. Так вот в этот уголок видно, как отец сидит на полу и играет с детьми — мальчиком и девочкой. И такая

злость их заберет, что Анька однажды не выдержала и засветила камешком в стекло. Звон! Крик! И с Маруськой, сестра помладше, — бегом в ближайший овраг, в бурьян кубарем. Лежат, затаились, трясутся. Отец выйдет на крыльцо и кричит: «Анька, Маруська, выходите, я знаю — это вы!» Но никогда не ругал их за это. А потом началась война. Всех мужиков призвали, а деду дали броню, как единственному специалисту на весь район. Представляешь, что чувствовала бабушка? Всех забрали, только он один живет в свое удовольствие — на две семьи. И она не выдержала, пошла и заявила, чтоб его забрали на войну. Нечего такому здоровому мужику отлынивать от фронта. И его забрали...

Ольга смотрела в темноту за окном; я видел — по ее лицу текли слезы. — Ты чего? Чего так разволновалась? Это было в другой жизни и не с нами.

— Бабку твою жалко... Сильная женщина. Столько лет терпела, а тут не выдержала — так не доставайся ты никому! И он тоже... Ведь вернулся к ней после войны. Наверное, все-таки любил. Мог и в другую семью уйти... Или вообще не вернуться. Так многие делали — пропадали без вести. Находили новые семьи, в старые не возвращались.

Ольга все еще смотрела в окно, но уже начала успокаиваться.

И я вспомнил... Как-то в горячке ссоры бабушка в сердцах сказала: «И зачем ты вернулся? Один раз отрыдала бы — и все!..» Только теперь я понял ее слова.

— Дальше-то что было? — Ольга опять развернулась ко мне. Ехать было еще далеко: чтобы не заснуть за рулем, надо разговаривать. И я стал вспоминать обрывками, что рассказывала мне мама про эту семейную историю.

— Дальше? Броню с деда сняли, забрали в армию... Сколько-то дней он был на станции, что в двух десятках километров от деревни. Бабушка ходила туда к нему пешком, носила еду. Потом он воевал... Она с детьми пыталась выжить. Детей было четверо — это те, что родились до войны. Вторая семья жила на соседней улице, на другом краю деревни, и тоже бедствовала. Там было двое детей, еще маленькие. И вот как-то бабушка заболела и лежала на печи. Раньше все хвори выгоняли баней и теплом. Лежит, охает, а тут является соседка, пришла проведать и принесла новости.

— Слышь, — говорит, — Матрена, а Дуська-то с малыми ребятишками бедствует. С голоду дети-то пухнут.

И расписывает бедственное положение соперницы.

Бабушка молчала, крепилась-крепилась, а потом кричит: «Маруська! Возьми в погребе ведро картошки... отнеси этим-то».

Она их даже никогда по имени не называла. А Маруська как бы и не слышит. Тут бабушка осерчала — а она могла и матом разговаривать, резкая была, — да как закричит: «Глухая, что ль, а ну неси картошку этим супостатам!»

Представляешь, сами голодные — а соперницу пожалела. Не ее, конечно, а детей его.

— Что дальше было? — Жена уже не смотрела в окно, а внимательно слушала.

— А ничего. Так и жили по разные стороны деревни. Каждый своей жизнью. Ждали конца войны... и мужа. Одна ждала законного, другая — любимого. Но уже в самом конце войны та, вторая семья, уехала из деревни. Погрузили узлы на подводу и уехали. Бабушка не видела, это опять

соседка пришла, рассказала. Наверное, ей на какое-то время стало легче жить, но когда дед не вернулся ни в мае, ни в сентябре — он в это время в госпитале лежал, — бабушка решила, что муж выбрал вторую семью. Не знаю, как она это пережила.

— Думаю, для женщины это страшный удар. Лучше бы убили... — тихо сказала Ольга.

— Не знаю. Про это никто не говорил в нашей семье. А бабушка надеялась, даже ходила к гадалке. Та ей сказала: «Жди. Он на пороге». И ночью — стук в окно. Пришел! Не обманула гадалка.

Я замолчал, вспоминая, как бабушка с особым чувством рассказывала именно этот эпизод. Наверное, чувство победы над соперницей радовало. Вернулся! К ней!

— А дальше, что же было дальше? — Жена с таким интересом слушала эту историю, как будто смотрела кино.

— Ну, что дальше... Стали жить-поживать и детей наживать. И жили еще пять человек. Дед с войны хоть и пришел инвалидом, но сила мужская в нем осталась. Уже совсем старым — телом старый, но не душой — он просил жену: «Ну Мотя, ну покажи сисечку...» Представляешь, сидит такой старенький дед, одна нога свешивается с кровати, рядом стоит ведро для ночных нужд — но он все еще мужчина. И всю жизнь от Матрены ни на шаг не отходил. Наверное, в благодарность, что выходила его после тяжелого ранения. А ведь он, и правда, не хотел возвращаться... Зачем семье калека? Привык быть сильным — а тут выходило, что еще одним нахлебником сядет на шею жены...

За окном уже светало, ехать оставалось чуть больше часа. Когда мы вошли в комнату, дед не выглядел «отходящим»: соседка переборщила в телеграмме. Сидел на кровати в чистой рубашке — по случаю ожидания гостей на его похороны — и улыбался.

— Привет, Санек! Ты будешь первым, кто сильнее всех огорчился моей кончиной. Проходи, обними деда, — сказал он, протянув руки мне навстречу.

